

Андрей Гросс

**Золушка
проданная
ковбоям**

Андрей Гросс

Золушка проданная Ковбоям

<https://litres.ru/74227264>

Аннотация

Мой жестокий отчим превратил мою жизнь в ад, а потом продал меня на аукционе, чтобы расплатиться со своими долгами. Меня купил богатый землевладелец, и я думала, что моя участь предрешена, но я и представить не могла, какие сюрпризы меня поджидают! ♥#ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО! ♥#Множество откровенных сцен. ♥#Строго 18+ Оригинальный интересный сюжет!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

ДЖЕССИКА

Стоя в лучах заходящего солнца, я провожу пальцами по контуру исчезающего синяка на щеке. Скула уже не болит, но воспоминание о том, как это произошло, всё ещё вызывает боль. Свет, падающий на дом, перед которым я остановилась, и грубо припаркованный ржавый грузовик возле него, всё это говорит о том, что это дом моего отчима. От знакомого чувства внутренней опустошённости, которое я испытываю каждый раз, когда возвращаюсь сюда, у меня снова и снова перехватывает дыхание.

Пакет с жареной выпечкой и пирожками, который я сжимаю в руке, источает восхитительный аромат. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы усмирить суровый нрав отчима хотя бы на этот вечер. С трудом сглотнув слюну в пересыхающем от страха горле, я понимаю, что у меня нет никакого другого выбора, кроме как войти внутрь.

И это то чувство, которое я испытываю каждый день, когда возвращаюсь с работы.

У меня есть младшая сестра Энни, после того как умерла наша мать, у меня с ней нет другого выбора, только как жить в доме отчима.

Снова взглянув на этот полузаброшенный дом, который, к несчастью, я зову своим, я опускаю голову и на автопилоте иду по заросшей сорняками тропинке к нашему двору, стараясь не наступать на трещины в земле. Сквозь тонкую входную дверь доносятся голоса, и моё сердце начинает биться всё чаще. Нашупывая ключи, я даю себе ещё немного времени, прежде чем войти внутрь, пытаюсь унять дрожь в своих пальцах.

Я осторожно открываю дверь и тихо, почти затаив дыхание, захожу в прихожую.

— Джессика! — Энни бежит ко мне и бросается мне на шею, когда я уже вхожу в тёмный коридор, в котором пахнет старыми мокрыми тряпками.

Сестренка всё ещё немного ниже меня ростом, но скоро она меня уже догонит. Я прижимаю её к себе, и она кладёт голову мне на плечо. Её облегчение от моего возвращения для меня просто физически ощутимо, и я крепко целую её в макушку.

— Как прошла сегодняшняя экскурсия в библиотеке? Учительница разрешила тебе взять домой несколько книг?

Она не успевает ответить на мой вопрос. В коридоре, словно призрак, маячит тень моего отчима. Я закрываю за собой дверь, хотя если опасность и поджидает меня, то как раз впереди в нутри этого проклятого дома. От отчима, как всегда, пахнет потом, алкоголем и чем-то дымным и затхлым.

Чувствуя, что Энни нервничает, я глажу её по голове, перебирая шелковистые светлые локоны, чтобы дать ей понять, что у неё ещё есть на свете человек, который позаботится о ней.

Разница в возрасте между нами всего в пять лет кажется гораздо более существенной, как будто ежедневные психологические травмы, которые мы переживаем, заставили меня быстрее повзрослеть, а она хочет по дольше задержаться в детстве.

Я вздрагиваю, когда что-то пролетает мимо меня и с грохотом разбивается о дверь, разлетаясь осколками, как осенний град. Мелкие осколки падают на коврик вокруг меня и Энни, сверкая в тусклом свете коридора.

— Приготовь ужин. И убери эти чертовы стекла, пока кто-нибудь не порезался. — Отчим поворачивается и, пошатываясь, уходит в гостиную. — Тебе нужно отказаться от пончиков, девочка! — В его голосе слышится насмешка, и я пытаюсь не обращать внимания на оскорбление, отряхиваясь от попавших на меня осколков.

Не ответив, я иду на кухню за совком. Я не ведушь на его провокации. Он всегда выкидывает что-то подобное, когда хочет поскандалить. Когда я возвращаюсь, Энни смотрит на меня своими запавшими карими глазами, как напуганный затравленный котенок, ища во мне поддержки.

— Энни, накрывай на стол. Сегодня у меня на ужин пирог, курица и твои любимые баклажаны с картошкой.

Радуюсь, что ей есть чем заняться, она направляется на кухню, но сначала опасливо оглядывается через плечо.

Подмёв пол, я собираю грязные тарелки, разбросанные по столу, и нагреваю кастрюлю воды, чтобы их помыть. Большая часть кухни в этом доме старая и сломанная. Пока всё отмокает, я нарезаю пирог.

Мы втроём сидим за кухонным столом. Отчим закидывает еду в рот, как дикий зверь, пожирающий мёртвую тушу. Он хрюкает, когда жуёт, и к его небритому подбородку прилипают кусочки теста и соуса.

Он сжимает в руке жестяную банку, жадно глотая дешёвое пиво, причмокивая при каждом глотке и размазывая пену по подбородку тыльной стороной своей грубой мозолистой ладони.

— Перестань пялиться на меня, девочка.

Я опять игнорирую его комментарий. Энни возит еду вилок по тарелке, нерешительно ковыряясь в ней, как птенец. Когда она нервничает, то она не может есть, в отличие от меня. У меня, наоборот, просыпается повышенный аппетит, когда я испытываю стресс.

— Ты не хочешь есть, Энни? Это ведь вроде твой любимый пирог!

Сестренка роняет вилку на стол и опускает голову, а я беру её за руку, так она всегда успокаивается, когда чувствует, что я рядом.

— Я не хочу смотреть на её кислую рожу. Ешь давай,

неблагодарная прошмандовка! — Отчим никогда не стеснялся в выражениях, когда разговаривал с нами.

В глазах Энни блестят слёзы, но мы не можем сказать что-то против отчима, иначе он вышвырнет нас из дому, несмотря на то, что он постепенно калечит нашу с сестрой психику. Он, бывало, уходил в запои ещё когда наша мама была жива, но после её смерти он не просыхает уже много лет, из-за этого он испытывает постоянную агрессию и часто ведёт себя неадекватно.

Я быстро доедаю всё, что осталось на тарелке, не зная, сколько времени у меня есть до того, как он на ровном месте выйдет из себя и смахнёт тарелки со стола. Я даю Энни пончик, который она успевает откусить несколько раз. Ей нужны свежие фрукты и овощи, но я не всегда могу купить их, потому что заработанных мною денег на это, как правило, не хватает. Все деньги, которые получает отчим, уходят на пиво, сигареты и азартные игры. Я слышала, как он ругался по поводу того, что у него просрочен кредит в банке, куда он заложил этот дом и землю, на которой он построен.

И если он не вернет долг в скором времени, то мы все вместе окажемся на улице. Отчим толкает свою пустую тарелку через стол в мою сторону и с такой силой бьет кулаком по столу, что вся посуда на нем подпрыгивает. Он смотрит на меня своими водянистыми желтыми глазами, кривя рот в мерзкой усмешке. Когда он облизывает зубы, я задерживаю дыхание, готовясь к каким-нибудь беспочвенным нападкам

с его стороны.

— Энни, иди наверх, — мягко говорю я сестре, предчувствуя, что он сейчас устроит скандал. — Можешь пока почитать свою книгу. Я скоро к тебе поднимусь.

Глаза Энни широко раскрыты от страха, но она делает то, о чём я прошу, так быстро, что её стул чуть не опрокидывается и не падает на пол.

Я беру блюдо, из которого ел отчим, и ставлю его на своё, напрягая мышцы рук, чтобы они не дрожали от страха. Секунды ожидания чего-то нехорошего тянутся одна за другой.

— Нам с тобой нужно поговорить, Джессика! Убери со стола, а потом у меня с тобой будет очень серьёзный разговор. Он резко встаёт, и стул падает на пол с грохотом, эхом разносясь по комнате. Засунув руки в карманы своих просаленных штанов, он вольяжной походкой уходит к себе в комнату.

Через несколько мгновений звук телевизора в его комнате заглушает мой бешеный пульс, и я сосредотачиваюсь на мытье посуды. Мусорное ведро переполнено, поэтому я выношу его на улицу. Когда я возвращаюсь с пустым ведром, отчим кричит из своей комнаты: «Иди сюда!»

Я ставлю мусорное ведро на пол и замираю в дверном проёме гостиной. Он по-прежнему сидит, развалившись в кресле перед телевизором, и серые тени сужают его безжизненные глаза.

— Садись!

Я подхожу к креслу у окна и медленно опускаюсь в него. Это было любимое место моей мамы, но теперь это просто ещё одно место в доме. Доме, полном страха и страданий. В тишине, повисшей между нами, всё больше нарастает мой страх.

— Я хочу тебе сказать, что ты уходишь из этого дома, девочка. Всё как ты, наверно, и хотела.

Я вскидываю голову и смотрю на него, пытаюсь понять: это его очередная дурацкая шутка или он говорит серьезно. Он издаёт низкий зловещий смешок, в котором слышится угроза. Его взгляд скользит по моему телу, жёсткий и оценивающий. В последний раз, когда он так смотрел на меня, его друг пробрался в мою постель, а на следующий день у отца появилось достаточно денег, чтобы заменить наш сломанный телевизор.

Как-то пару месяцев назад отчим предупредил меня, что со мной хочет пообщаться его знакомый парень Виктор. И заставил меня его ждать вечером в отдельной комнате, где стояла старая кровать. При этом он приказал мне навести в комнате порядок: вытереть пыль и помыть полы. Я уже не маленькая и подозревала, какое общение мне предстоит. Заступиться за меня было некому, и я, наверное, могла бы убежать, лишь бы избежать такого позора и унижения, если бы не Энни. Только она удерживала меня в этом проклятом доме, потому что ей была нужна крыша над головой.

Я протирала полы, и внутри меня играли противоречивые

чувства. Страх и... любопытство. Ко мне должен был прийти Виктор! Если бы это был кто-то другой, я бы, наверное, все-таки не выдержала и сбежала. Но я видела этого парня пару раз, когда он приезжал к моему отчиму. Виктор был за старшего в бригаде подсобных рабочих, где мой отчим перебивался временными заработками.

Виктору было примерно лет тридцать пять, в отличие от своих забулдыг-работяг, он всегда выглядел опрятно и ходил в чистой одежде, был гладко выбритым, и от него никогда не пахло спиртным. Виктор был высокого роста и крепкого телосложения, с мужественным лицом простого провинциального парня.

Когда он заезжал к отчиму по делам, я видела, как он беззастенчиво меня разглядывает и иногда подмигивает мне, когда отчим этого не видит. Я думала, что такой парень для меня — это предел моих мечтаний, но он уже был женат и у него уже было двое детей. И вот теперь отчим сказал мне ждать его сегодня вечером!

Когда Виктор пришел, я уже убралась в комнате и прилегла отдохнуть, видимо, я не заметила, как задремала. Он вошел в комнату и снял свою шляпу, с которой он никогда не расставался.

- Привет, Джессика! Твой опекун предупредил тебя, что я приду! — сказал он, улыбаясь во весь рот и без лишних церемоний присаживаясь на край кровати. Я немного опешила от неожиданности и села на кровати спросонья, не сразу

понимая, что происходит.

- Времени у нас мало, детка, поэтому давай сразу приступим к делу. Он погладил меня по щеке своей сильной мозолистой рукой. Потом встал с кровати и начал раздеваться. Он быстро скинул с себя одежду и остался стоять передо мной совершенно голым. Я прятала глаза, которые сами собой смотрели ему ниже пояса.

- Ну же, детка, не робей, — сказал он, подбадривая меня, поднимая меня с кровати и помогая мне раздеться. Потом он уселся на кровать, а я стояла перед ним голая и пыталась прикрыться руками. Мне тогда, наверное, повезло, что Мартин не был со мной грубым, иначе он нанес бы мне серьезную психологическую травму.

Он лапал руками мою грудь и попку. Целовал мои соски, которые предательски набухли. Виктор повалил меня на кровать, задрал мне ноги и начал страстно ласкать губами мою киску. Мне почему-то в этот момент стало очень стыдно от того, что мужчина целует меня между ног, хотя я всегда была чистоплотной. Виктор целовал мое тело, не переставая делать мне комплименты, а чувствовала себя безвольной куклой в его руках. Однако близость с его голым телом не была для меня неприятной, как я ожидала, ведь я до этого ни разу не была с мужчиной. От Виктора приятно пахло, наверное, потому, что он не был таким забуддыгой, как мой отчим.

Наконец Виктор перевернул меня на кровати и поставил

на колени попойкой к себе, я поняла, что этот момент, когда я попрощаюсь со своей девственностью, настал.

- Расслабься, девочка, дядя Виктор будет очень нежным и аккуратным. — услышала я сквозь туман своего сознания.

Виктор аккуратными движениями, сантиметр за сантиметром углубляя член в мое влагалище, наконец вошел в меня полностью. Меня охватило непривычное ощущение наполненности внутри. Боли, как я ожидала, не было, лишь немного вначале щипало, будто бы внутри отрывают пластырь от кожи.

Виктор похлопал меня по ягодицам и начал трахать, ощущения были непривычные, хотя мне становилось все приятнее. Но все-таки я испытала облегчение, когда его член вышел из меня и я ощутила, что мне на спину и попку выливается горячая жидкость.

- Ты супер, детка! — сказал Виктор, похлопав меня по заднице. Потом просто собрался и ушел, не сказав ни слова. Больше он не приходил к нам. Я долго думала, что он придет ко мне ещё, но этого не было. Я могла только мечтать, что такой мужчина, как Виктор, может забрать меня к себе навсегда, чтобы уйти из этого ада, в который отчим превратил нашу с Энни жизнь.

Это был день, когда у меня украли остатки невинности, а сейчас отчим смотрел на меня в упор, не скрывая своей неприязни ко мне. Он долго и бесцеремонно меня рассматривал, потом наконец сказал:

— Завтра в это же время ты перестанешь быть моей ненужной проблемой и наконец-то слезешь с моей шеи!

- “Что?” — не понимая, к чему он клонит, пролепетала я.

На мгновение воцаряется тишина, прежде чем он разражается приступом кашля, который сотрясает его лёгкие. Прокашлявшись, он говорит:

«На окраине нашего штата, в округе Верджиния, есть рынок скота для местных ферм. После основных торгов проводится ещё один вид аукциона, на котором одинокий ковбой может найти себе жену. Или, как в твоём случае, просто ещё одну телку в своё стадо».

Я смотрю на него, едва понимая его слова. Аукцион для людей? Это вообще возможно в наше время?

Мое безучастное выражение лица забавляет его. Он с садистской ухмылкой смотрит на меня.

- Понимаешь, тут двойная выгода: во-первых, мне нужно расплатиться с долгами, и к тому же ты для меня просто ещё один ненужный рот, который мне теперь приходится кормить. А пособие мне как опекуну государство на тебя уже не платит. Потому что ты теперь совершеннолетняя, и выставив тебя на аукционе, я разом избавлюсь от многих своих проблем.

— Значит, ты собираешься меня продать? — Я говорю это, не веря самой себе, настолько это звучит бредово даже для него. Он использует меня с тех пор, как умерла мама, как ему вздумается. Я даже не знаю, смеяться мне теперь или

плакать.

Единственное, чего я не буду делать, так это просить его передумать. Это просто бесполезно.

Если я ему мешаю, он так или иначе от меня избавится. Есть много способов, которыми он может это сделать, и они гораздо хуже, чем этот аукцион невест. Я вспомнила, что все-таки слышала, что подобные аукционы проходят подпольно в соседних штатах, но не думала, что такое может происходить в местах, где я живу. По крайней мере, мужчины, которые ходят на такие мероприятия, хотят жену, а не просто тёплое тело, которым можно воспользоваться на полчаса, хотя идея стать женой взрослого мужика, который купит меня на сельхоз ярмарке, как породистую кобылу, это явно не то, о чем мечтает девушка в девятнадцать лет. Ещё хорошо, что этот ублюдок не продал меня в какой-нибудь мексиканский бордель.

Взгляд отчима задерживается на мне. Он ждёт от меня слёз или мольбы. Ему бы понравились оба варианта, он бы тогда, как вампир, питался бы моими эмоциями. Вот почему я прячу каждую каплю паники, каждый проблеск ужаса, каждый жаркий импульс страха за маской бесстрастного выражения своего лица. Я никогда не отдам ему эту часть себя, свою мягкую и слабую часть, которая хочет, чтобы со мной обращались по-человечески, а не издевались, как над безвольным животным.

Ему надоедает смотреть на моё молчаливое бездействие,

он поднимается на ноги, вальяжно выходит в коридор, надевает ботинки и куртку и выходит из дома, захлопывая за собой дверь.

Когда он пьяный срывается с места и уносится в ночь, превышая скорость и представляя опасность для всех, кто попадется ему на дороге, это обычно приносит мне с сестрой временное облегчение.

Но теперь, когда я сижу в любимом кресле моей мамы, меня охватил ужас.

Энни! Сестренка!

Её имя проносится в моей голове, как захлопывающаяся с грохотом дверь, резко и окончательно. Моя младшая сестра наверху. Надеюсь, она читает, а не прислушивается к разговору, от которого я до сих пор не могу прийти в себя. Я ничего не смогу от неё скрыть, но, по крайней мере, я могу рассказать ей хотя бы так, чтобы суметь подарить ей хотя бы надежду.

Надежда довольно хрупкая вещь и опасная вещь, но когда нас окружает беспросветная тьма, то надежда — это единственное крошечное мерцающее пламя, за которое мы с сестрой можем ухватиться.

Доски пола скрипят, когда я на цыпочках поднимаюсь по лестнице в нашу общую комнату. Энни уже спит, положив книгу на грудь. Лампа в углу отбрасывает тёплый свет на её хрупкую фигуру. Интересно, она знает, что нас ждет скорая разлука? Стараясь не потревожить её, я лезу в шкаф и нахо-

жу свою дорожную сумку. Я начинаю набивать её одеждой, книгами и, наконец, фотографией, которую я давно прячу от отца.

Я провожу пальцами по четырём лицам, которые смотрят на меня в ответ. Моё собственное лицо на фотографии выглядит для меня почти незнакомым. Моя улыбка искренняя, потому что она не скрывает за собой боль, как это происходит сейчас. Мне на фото едва исполнилось одиннадцать лет, но половое созревание уже явно наступило. Рядом со мной восьмилетняя Энни, застенчиво улыбающаяся в камеру, с прядями светлых волос, обрамляющими её бледное фарфоровое лицо. Моя красивая мама сидит между нами, её длинные светлые волосы собраны в пучок. Я прикасаюсь к её лицу на фотографии, и меня душат слезы.

Наша мама на этой фотографии так гордится своими детьми, в её глазах застыло столько любви.

Боже, я скучаю по её голосу, её запаху, её энергии. По всему, что связано с ней.

Пустота в моем сердце становится все шире по мере того, как я задерживаю взгляд на этом старом фото.

Моя бабушка стоит позади нас всех, обнимая людей, которых она так сильно любила, с гордостью обнимая своё потомство. Её лицо испещрено морщинами, говорящими о жизни, полной радости и боли.

У меня ее глаза. Ах, если бы только у меня была ее выдержка и воля.

Я смахиваю одинокую слезинку и засовываю фотографию поглубже в сумку вместе с блокнотом, ручкой и несколькими купюрами. Вместо того чтобы пойти в свою комнату, я ложусь рядом с Энни. Она поворачивается и прижимается ко мне, протягивая ко мне свои тёплые руки, и я обнимаю её.

“Я люблю тебя, Джесси!” — Ее голос похож на хрупкий шёпот.

— Я тоже тебя люблю, Энни. Извини, я тебя разбудила.

— Я рада, что ты меня разбудила. Отчим сказал мне, что ты уезжаешь завтра. Я не знала, как тебе сказать.

— Мне так жаль, Энни. Я бы никогда не ушла от тебя. Ты ведь это знаешь, да?

— Я знаю. Но мне страшно. Что с нами будет?

— Я не знаю, Энни. Но я обещаю, что найду способ вытащить тебя отсюда. Я не остановлюсь, пока не сделаю это. Ты мне веришь, сестренка?

«Ты же знаешь, что у меня никого нет, кроме тебя, Джессика».

Она делает глубокий вдох и, напрягаясь всем телом, с трудом сглатывает комок в горле, еле сдерживая слёзы.

Мы обе научились сдерживать свои эмоции, потому что какой смысл плакать, если все равно никто не позаботится о тебе? Я заполняю тишину, чтобы она не заплакала.

— Я хочу, чтобы ты завтра утром сходила в «Пекарню». Они, конечно, ждут, что это я выйду на смену. По субботам там многолюдно. Им в любом случае понадобятся допол-

нительные рабочие руки. Поговори с Натали, хозяйкой пекарни, и скажи, что ты подменишь меня, пока я не вернусь. Только не говори им, куда я уехала. Скажи, что по семейным делам.

— Но как я смогу там работать? Я же вообще ничего не знаю о работе пекарни. Я еще никогда не работала как взрослая...

— Всё у тебя получится, сестренка. Я позвоню Натали утром и расскажу ей, что мне надо срочно уехать. Она присмотрит за тобой. В твоём положении это хорошее место для работы и возможность хотя бы ненадолго сбегать отсюда. К тому же тебе всегда будет что поесть. — говорю я, надеюсь, последнее станет решающим фактором. Несмотря на то, что у неё не очень хороший аппетит, сестренка очень любит сладкое.

Она снова грустно вздыхает, и я крепче обнимаю ее.

— Послушай, тебе нужно знать ещё кое-что, но ты не должна говорить об этом отчиму. В дальнем углу шкафа, где расшатаны половицы, я спрятала немного денег. Это на случай непредвиденных обстоятельств. Я оставляю их тебе. И постарайся есть здоровую пищу, слышишь? Но спрячь деньги от отчима, чтобы он ничего не заподозрил. Тебе нужны свежие фрукты и овощи. Не забывай об этом. Конфеты покупай меньше, они вредны для здоровья.

Она всхлипывает, и я слышу, как в её горле застревают слёзы. Она прижимается лицом к моему телу и вздрагивает

от рыданий, которые уже не смогла сдержать.

“Я люблю тебя, Джессика!”

Моё сердце разрывается, но я стараюсь говорить ровным и спокойным голосом:

- «И я люблю тебя, милая. Не беспокойся обо мне, хорошо? Со мной всё будет в порядке, и я со временем обязательно найду способ быть с тобой. Кто знает, может быть, это и есть наш с тобой единственный путь к свободе. Может быть, это наш верный способ сбежать от этой безнадеги».

Я говорю это больше для того, чтобы убедить саму себя, чем свою младшую сестру. На самом деле вспышка надежды гаснет во мне так же быстро, как и появилась.

Неизвестность, которая меня ждет, так же мрачна, как за-сушливые холмистые равнины, окружающие этот захолуст-ный город.

Через несколько минут дыхание Энни становится тихим и ровным. Я так устала, что могла бы проспать неделю и всё равно дрожать от изнеможения, но сон ко мне не идёт. Мне кажется, что секунды тянутся бесконечно, и ночь всё не наступает, а в моей голове крутятся разные мысли.

Некоторое время спустя я слышу, как входная дверь с гро-хотом захлопывается, и шаркающие шаги по половицам вни-зу оповещают меня о том, что отчим вернулся домой.

Я подскакиваю в кресле, в котором я задремала. Мой пульс учащается. На часах 2:00 ночи.

Я жду скрипа ступеней и напрягаюсь в пугающей темно-

те. Когда в доме снова становится тихо, я понимаю, что он, должно быть, заснул в зале.

Наступает утро, но первые лучи, пробивающиеся сквозь щели в шторах, не приносят мне радости. Моя жизнь здесь уныла, но, по крайней мере, она привычна, и у меня есть рядом Энни. А у неё есть я.

Кто знает, куда я и к кому попаду? Может быть, никто не будет делать на меня ставки на торгах. Может быть, отчим вернёт домой меня ещё более униженной и несчастной. Если это случится, он будет бить меня кулаками, и если он решил избавиться от меня, то вполне может продать меня в бордель. А это будет хуже смерти и для меня, и в конечном счете для Энни.

Поэтому сейчас я максимально приведу себя в порядок и буду стараться выглядеть как можно привлекательней. Раз теперь я товар, то пусть у меня будет красивая упаковка.

Я надеюсь найти хорошего человека, которого я смогу уговорить спасти Энни. Этот шанс очень призрачный, но это всё, на что я могу надеяться. И я пойду до конца. Ради своей сестры Энни. И ради своего будущего тоже.

ДЖЕССИКА

Грузовик фыркает и содрогается, приходя в движение, когда отчим заводит двигатель. Мой завтрак из тёплого кофе и черствых пончиков камнем лежит у меня в желудке. Отчим подгонял меня, когда я ела, и пришлось почти давиться пончиком, запивая его горячим кофе.

Я поворачиваюсь к крыльцу дома, где Энни стоит в дверях, обхватив себя руками. На её лице покорное выражение горя и безысходности. Я сдерживаю желание распахнуть дверь машины, крепко обнять её или схватить за руку и бежать вместе отсюда куда глаза глядят, но нам некуда пойти, где было бы безопаснее, чем здесь в этом ужасном доме. Мне сейчас совсем нечего предложить своей сестре, кроме своей любви.

Когда я улыбаюсь ей в надежде, что это её подбодрит, она отворачивается, и я вижу, как она плачет.

"Я вернусь за тобой, Энни. Я обещаю". - одними губами шепчу я, боясь, что отчим меня услышит.

Одинокая слезинка обжигает мои покрасневшиеся щёки, и я устремляю взгляд на дорогу перед собой, и еле сдерживаю себя, что бы не оглянуться. Я погружаюсь в состояние оцепенения и пустоты, когда мы сворачиваем в конце нашей дороги и оставляем позади всё, что мне знакомо.

Я быстро набираю сообщение Натали, сообщая ей, что вместо меня придет в пекарню Энни. Я не отправляю его, мой палец зависает над кнопкой, колеблясь. Это сообщение вызовет вопросы, на которые я не смогу дать ей ответы. Может, лучше, чтобы Энни просто пришла без предупреждения. Натали не сможет устоять перед её милым личиком и выгонит мою сестренку, прекрасно понимая, что ей иначе придется голодать.

Отчим тихо бормочет что-то себе под нос. Я сжимаю ру-

ки в кулаки, и во мне поднимается желание ударить его по наглой, бесстыжей физиономии. Но я сдерживаю себя. Хотя он и худой, но всё равно намного сильнее меня.

Мне хочется сказать ему, чтобы он тратил все свои деньги на заботу о Энни, но какой в этом смысл? Ему всё равно на нас плевать. Ему всегда было плевать и на меня, и на Энни. Если я скажу ему об этом, он тем более назло мне сделает всё наоборот.

Я могу только надеяться, что когда-нибудь у меня будет достаточно денег, чтобы вернуться до того, как Энни достигнет совершеннолетия и он продаст её на аукционе, как и меня. Только теперь я понимаю, что, возможно, он давно планировал это, поэтому не сдал нас в приют. Он держал нас в своём доме, чтобы потом продать, а не только для того, чтобы пропивать часть нашего с сестрой пособия, того жалкого пособия, которое он получал на нас как опекун.

Он конченный придурок, но он знает местные законы.

Отчим включает радио, с удовольствием подпевает мелодии, которая доносится из старых хрипящих динамиков. Я откидываюсь на спинку сиденья, мои веки тяжелеют от усталости, и монотонное движение грузовика начинает действовать на меня. Из-за бессонной ночи я опасно близка к тому, чтобы заснуть, но я не могу расслабиться, когда он рядом.

Когда я прихожу в себя, ошеломлённая и растерянная, я замечаю, что пейзаж сильно изменился. Вдалеке на фоне нежно-голубого неба виднеются острые серебристые верши-

ны. Это выглядит захватывающе красиво и величественно, совсем не похоже на наш унылый серый город, который мы оставили позади. Сквозь закрытые окна грузовика доносятся приглушённые голоса, когда отчим выключает двигатель машины. Он опускает стекло и, вытягивая шею, высматривает кого-то.

Я дико хочу пить, в моем горле пересохло, как в пустыне. Мне нужно открыть дверь и вдохнуть свежего воздуха, в котором не будет застоявшегося запаха и пивного перегара, но я знаю, что это его разозлит.

Через несколько мгновений он молча выходит из грузовика, хлопывая за собой дверь, и я вздыхаю с облегчением, радуясь, что он на время отдалился от меня. Он подходит к мужчине примерно его возраста, почти такому же неопрятному, в клетчатой рубашке и пыльных джинсах.

Грузовики, гружёные скотом, выезжают с территории, и никто не смотрит в мою сторону. Тем не менее я зачем-то опускаюсь на сиденье, опасаясь, что меня заметят.

Теперь, когда он ушёл, я опускаю стекло в машине, впуская внутрь прохладный ветерок. Он несёт с собой запах полевых цветов и свежескошенного сена. Я глубоко вдыхаю этот аромат и прижимаю руку к груди, там, где сердце, и кажется, оно вот-вот разорвёт мою грудную клетку. Проезжающий мимо грузовик даёт задний ход, заставляя меня подпрыгнуть. В открытое окно врывается поток выхлопных газов. Я кашляю и чихаю от этого смрада, пока он не исчезает

из виду.

Я пытаюсь подавить невыносимую мысль о том, что Энни дома сейчас осталась одна, несчастная и напуганная.

Моё внимание переключается на шум, доносящийся откуда-то сзади машины. У главного сарая собирается большая группа мужчин.

Они разного возраста, молодые и не очень. Стоят поодиночке или небольшими группами, оживленно что-то обсуждая. На этих мужчинах — неофициальная униформа местных фермеров: клетчатые рубашки, ковбойские шляпы и поношенные кожаные сапоги. Тут можно увидеть ковбойские шляпы разных оттенков и степени изношенности. Поначалу эта сцена кажется мне почти комичной. Затем реальность обрушивается на меня, и я борюсь с подступающей от страха тошнотой.

До меня наконец-то окончательно доходит, что любой из них может стать частью моего будущего. Я вот-вот попаду в другой мир, полный неведомых ранее для меня опасностей. Человек, который меня купит, может вполне оказаться еще хуже моего отчима. Он в полне может заставить меня делать ужасные вещи.

Мой отчим бьёт кулаком по боку машины, прежде чем распахнуть пассажирскую дверь, которая удерживала меня в вертикальном положении, иначе я бы, наверное, давно упала бы в обморок. Я выхожу из машины и пытаюсь удержаться на ногах, когда отчим отходит в сторону, и я вижу какого-то

потрёпанного мужчину.

— Привет, Джессика, я Дерик Честон, и это я веду сегодняшний аукцион. Ну что, пойдёшь со мной или мне придётся тебя заарканить? Его хриплый голос звучит так, будто он много лет только и делал, что курил и громко кричал.

Я бросаю взгляд на отчима, который сейчас отводит глаза в сторону. Он кашляет и делает шаг назад.

- Иди вместе с мистером Честоном, он всё тебе объяснит, - говорит он, не поднимая на меня взгляд.

Я делаю, как мне велят, и наблюдаю, как мистер Чепстон протягивает моему отчиму стопку денег, которые тот засовывает в карман рубашки.

Я стою и смотрю, как эти двое мужчин пожимают друг другу руки, и это вызывает у меня отвращение и презрение к моему отчиму, который по закону обещал заменить родного отца, но в итоге он меня продает, чтобы расплатиться с долгами. Это отвратительно и ужасно. К моему горлу подступает желчь. Только бы меня реально не стошнило.

Я поворачиваюсь, чтобы взять сумку с заднего сиденья, прежде чем неуклюже выбраться из грузовика. Отчим садится с другой стороны, не прося меня ни о чём, кроме как «закрыть эту чёртову дверь».

И вот так просто, даже не прощаясь, он исчез в облаке пыли, оставив меня одну в с этим незнакомцем.

— Да не смотри так мрачно, девочка! — голос мистера Честона был спокоен, и я чувствую, что он уже давно зани-

мается этим бизнесом. Высокий и жилистый, он на две головы возвышается надо мной, его седые волосы собраны в хвост, а в уголках глаз залегли глубокие морщины.

— Мы здесь постоянно этим занимаемся. Так что тебе нечего бояться. Фермеры они в основном хорошие люди. Как говорится, соль земли. Богобоязненные, как твой отец.

Я чуть не давлюсь собственной слюной. “Мой отец?” Подумать только, этот мерзавец назвался моим отцом.

— Он рассказал мне о твоих «проблемах». Его скрюченные пальцы изображают кавычки в воздухе. — Что ты связалась с его другом, мужчиной намного тебя старше. И теперь торги для тебя — это единственный выход, чтобы спасти свою репутацию, пока не стало слишком поздно.

Не находя слов и не веря в наглую ложь отчима, я следую за мистером Честоном в какой-то огромный амбар, куда перед нами зашла большая группа фермеров.

Мы проходим через задний вход видимо в своего рода приёмную. Дневной свет сразу же сменяется приглушённым освещением и спёртым воздухом. Меня окутывает запах приторно-сладких духов, смешанный с запахом сена и пыли. Я сразу же начинаю кашлять от этих запахов, потому что у меня и так в горле першило, а теперь я захлебываюсь от кашля.

— Брось свою сумку сюда, девушка, а я принесу тебе воды.

В комнате я вижу ещё пять женщин. Две из них оживлённо болтают о чём-то друг с другом, а вот у остальных такие же мрачные лица, как и у меня.

— Ты хочешь привести себя в порядок в ванной? — он вопросительно смотрит на меня, и я киваю, потому что мне очень нужно в туалет. У меня совсем нет косметики, только расчёска. Но если я умоюсь холодной водой, мне в любом случае станет лучше.

— Ну всё я оставлю тебя здесь. Когда закончишь, возвращайся сюда, и Дикси позовёт тебя, когда придёт время. Ты много знаешь о жизни фермеров?

Я качаю головой, боясь что мой голос сорвётся.

«Тебе нечего бояться милая. Просто усердно работай, соблюдай правила и не доставляй им хлопот. Это может стать для тебя возможностью изменить свою жизнь, малышка».

«Я сделаю всё, что в моих силах». — мой голос дрожит и из-за этого звучит как-то жалко.

Он приподнимает мой подбородок своей огромной мясистой рукой и смотрит мне в глаза. Я борюсь с желанием отвернуться, но мне удаётся выдержать его пристальный взгляд.

Он вытирает единственную слезинку, выступившую в уголке моего правого глаза. Его кожа грубая, но прикосновения нежные.

Затем он поворачивается и уходит, не оглядываясь и не желая нам удачи. Интересно, куда он направляется.

Я чувствую себя овцой, которую ведут на бойню.

Сделав свои дела и охладив щёки, я выхожу из туалета, подстегнутая адреналином от того, что я умывалась ледяной водой. Я возвращаюсь на место ожидания и начинаю осматриваться по сторонам. На разной высоте сложены тюки сена, на которых мы можем сидеть. Остальные девочки которые присутствуют тут примерно моего возраста.

Моё внимание привлекает привлекательная довольно девушка с большими золотыми серёжками-кольцами в копне густых каштановых локонов. Она энергично жуёт жвачку и смотрит в свой телефон. Она очень старается выглядеть уверенной в себе, но все её движения говорят об обратном. Она всё сильнее накручивает пряди волос на пальцы и беспокойно ёрзает на стуле. Когда у неё во рту лопается жвачка, становится понятно что она нервничает так же сильно, как и все мы. Она нервничает и оглядывается по сторонам, чтобы понять, кто заметил, что она сняла свою маску.

Она выпрямляется, притворяясь храброй в своей розовой клетчатой рубашке, которую она завязала спереди свободным узлом, обнажив полоску гладкой загорелой кожи. У этой красотки есть все основания быть уверенной в себе, но всё же это не обычный субботний вечер. Другая девочка чихает в дальнем углу, на более высоком тюке.

«Много ли от меня будет толку в роли пастушки!» — говорит она, видимо, имея в виду, что уже не переносит запах сена.

Маленькая брюнетка сидит, сгорбившись, в углу и тихо рыдает, уткнувшись в рукав. Она крепко обхватывает себя руками за колени и раскачивается взад-вперёд.

Я отгоняю от себя мысли о Энни и чувство вины за то, что оставляю её. В очередной раз я повторяю себе, что у меня не было другого выбора. Если я сейчас не сделаю этого, то нам некуда будет идти, дом отчима заберут за долги, и мы с Энни окажемся на улице.

Мою сумку уже поставили на пустой тюк, а рядом с ней кто-то положил маленькую пластиковую бутылку с водой. Я тронута таким жестом. Даже к такому незначительному проявлению внимания я не привыкла, и это грозит выплеснуться наружу моим эмоциям, которые я сейчас держу при себе. Когда я медленно иду к своим вещам, несколько пар внимательных глаз в этом помещении следят за мной.

Я опускаю взгляд на свои мешковатые брюки и болтающуюся на мне футболку. Она чистая и бледно-голубая, мой любимый цвет, но я могла бы конечно одеться и лучше. Я роюсь в сумке в поисках вдохновения, надеясь, что на дне найдётся что-нибудь получше, хотя и подозреваю, что вряд ли найду что-нибудь подходящее.

— Не надо, милая. Теперь уже поздно что-то менять!

Я оборачиваюсь и вижу миниатюрную симпатичную женщину лет тридцати с блестящими зелёными глазами и бледно-розовыми глянцевыми губами.

Когда она улыбается, её зубы кажутся идеальным рядом

белых жемчужин, а дыхание свежее и мятное. Она подходит ближе и крепко сжимает мою правую руку.

«Ты натуральная красотка. Молодость на твоей стороне. У меня хорошее предчувствие насчёт тебя. У тебя классные сиськи и задница».

Ее глаза быстро оценивают меня, останавливаясь на моей правой скуле.

— Вот только позволь мне замазать тебе этот синяк, милая, иначе он будет сильно замечен.

Она достаёт что-то из кармана рубашки и мажет мне щёку. Я даже не дергаюсь.

Я предполагаю, что это Дикси, и сразу же доверяю ей, насколько вообще можно доверять в этой странной ситуации, в которой я с этими девушками оказалась.

«Я занимаюсь этим уже много лет, милая. Я хороших мужиков насквозь вижу! И сегодня тоже есть несколько неплохих парней, вполне возможно, что именно тебе и повезёт с кем-то из них. Выше голову, слышишь меня? С этого момента твоя жизнь может измениться в лучшую сторону... Ты должна в это верить».

Смутившись, я отмахиваюсь от её добрых слов, настолько не привыкнув получать комплименты, что принять их с благодарностью было бы всё равно что пытаться засунуть свою взрослую ногу в детскую обувь.

Уходя от группы девушек, выставленных на аукцион, я знаю, что у каждой из них есть своя история, полное про-

блем прошлое и неизвестное будущее. Все они так или иначе в отчаянии, так же как и я, иначе они бы здесь не оказались. Всем им нужна сказка, счастливое будущее, рыцарь в сияющих доспехах. Но что мы получим в итоге, что ж мы об этом скоро узнаем. Я никогда не верила в сказки о рыцарях на белом коне.

Я молча молюсь за каждую из них, выходя на огромную, но малолюдную арену. Дикси приглашает остальных девушек следовать за мной.

Что бы ни случилось, это мой билет из ненавистного мне дома отчима. Даже если я никому не нужна, отчим уехал и его нет рядом со мной. Пусть меня поглотит бескрайнее небо, мне всё равно, лишь бы я смогла вернуть Энни и мы с ней тогда всё исправим. Нам нельзя быть пленниками в руках жестокого тирана. Моя мама и моя бабушка будут смотреть на нас с небес и радоваться.

На мгновение воцаряется тишина. У меня начинает кружиться голова, а ноги становятся ватными.

Кого я обманываю?

Дикси стоит позади меня и осторожно ведёт меня вверх по небольшим металлическим ступенькам, которые звякают, когда я поднимаюсь, нарушая мертвую тишину. Остальные девочки остаются внизу, сбившись в кучку, они наполовину испуганные, а наполовину любопытные.

Мои ноги будто бы пустили корни, а моё сердце сейчас бешено колотится.

Я чувствую в воздухе запах мускусного одеколона, смешанного со свежим потом. У меня слегка поджигается живот, но я снова обретаю решимость идти до конца.

“Улыбнись, милая, улыбнись!” - Дикси подталкивает меня вперед.

Я испытываю такое облегчение, когда она подводит меня к тюку в центре приподнятой платформы, на которой мы сейчас стоим. Я неловко сажусь на тюк, несколько раз поправляя себя, потому что острые концы соломы царапают меня.

Сейчас я чувствую себя отдельно от своего тела, как призрак, смотрящий сверху вниз на человека, которым он когда-то был.

В толпе раздаются приглушённые голоса. Я испытываю огромное облегчение от того, что мне не придётся расхаживать туда-сюда, как лошади на ярмарке.

Снова воцаряется тишина, и мужчина у микрофона становится виден лучше. Ему за семьдесят, у него длинные седые усы и потрёпанная шляпа на голове.

— Не хочешь сказать пару слов, Джессика? В его голосе слышится акцент, который мне нравится, и в нём есть нотка поддержки, но его приглашение застаёт меня врасплох. Проектор, кажется, становится ярче от моего молчания. Яркий свет слепит меня, но я всё равно смотрю на группу мужчин в первом ряду, высоких и широкоплечих, которые тоже смотрят на меня. Они все немного старше меня, но младше моего

отчима, и, мне кажется, они междувсе собой друзья. Один из них кивает мне. Это скорее вержливый, чем тёплый кивок, но, тем не менее, он довольно ободряющий. Я сосредотачиваюсь на его высоких скулах и сильной, точёной челюсти. У мужчины рядом с ним неземные светло-голубые глаза, которые, кажется, смотрят сквозь меня. Дикси толкает меня локтем.

— Ну же, милая, ты справишься. Расскажи им, откуда ты, что тебе нравится и всё такое.

Несмотря на сухость в горле, мне удаётся произнести несколько слов.

«Меня зовут Джессика. Я мало что знаю о фермерстве, но я умею готовить. Я вырастила свою младшую сестру. Я люблю животных, свежий воздух, чтение и выпечку, особенно торты и пироги».

Я прикусываю свой язык, внезапно смутившись. В передней части зала начинается движение, вызванное той же группой мужчин, которую я заметил раньше. Один из них смеётся? Другой поднимает руку. Время идёт, пока аукционист оглядывает остальных.

От резкого стука деревянного молотка по твёрдой поверхности я вздрагиваю.

“Продано”, — радостно кричит аукционист.

Моё сердце колотится в груди, и я не могу заставить себя поднять взгляд и посмотреть, кто меня купил.

— Пойдём, Джессика, — говорит Дикси, беря меня за ру-

ку. — Пора тебе познакомиться с твоим мужем!

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 2

Адам

- Ты Мартин предложил за неё такую большую цену, даже не посоветовавшись с нами?

Мартин коротко кивает, игнорируя мой тон и мои попытки привлечь его внимание, когда я пытаюсь встать у него на пути, он делает вид, будто нечаянно толкнул меня плечом, и просто идет дальше.

Как ни крути, Мартин наш босс, и он всегда берёт всё в свои руки на аукционе, покупая именно тот скот, который, по его мнению, подходит для нашего ранчо. Но сейчас он купил не породистую корову и не быка-осеменителя. Он только что купил на аукционе женщину! Женщину, которая станет его женой.

“Она само совершенство”. - говорит он, оглядываясь через плечо.

- Да что ты говоришь? Прямо само совершенство?

Я бросаю взгляд на Клима, который поправляет шляпу и опускает её пониже, будто бы сосредоточив внимание на грязи под своими ногами. Он так всегда ведёт себя с Мартином, когда нам нужно настоять на своем. Клим как обычно засовывает свой язык в одно место и молчит, не решаясь что-то возразить Мартину. Он всегда чувствует, что многим обязан Мартину за то, что он взял нас в долю в бизнесе. Я думаю,

что мы оба чувствуем это, но это не значит, что мы должны молчать, когда Мартин всякий раз решает один такие вопросы за всех нас.

— Она тебе что, не нравится? — говорит Мартин, он жуёт, двигая челюстью, и прищуривает свои пронзительные голубые глаза.

— Нравится ли она мне? Хороший вопрос! - я поворачиваюсь и выдыхаю, чтобы не перейти на маты. - Да как, чёрт возьми, мне может нравиться девушка, которую я видел шестьдесят секунд издалека и от которой услышал всего три предложения? И потом, она слишком чертовски молода для того, что мы задумали!

Клим переминается с ноги на ногу, отворачиваясь от нас. Позади меня ещё одну девушку усаживают на тюк сена, прямо как девственницу на сеновале. У неё выющиеся каштановые волосы и большие медные серьги. Бойкая, ядреная девка. Вот она выглядит так, будто сможет справиться с тем, что мы ей предложим, и не сломаться, в отличие от той, которую зачем-то купил Мартин.

— Они все молоды. Твоя мама была молода. И моя мама была молода, когда выходила замуж.

Зря он упоминает наших матерей, я чего-то не хочу думать ни об одной из наших мам в таком контексте.

“Что ж, уже слишком поздно высказывать какое-либо мнение, когда дело сделано.

— Она красивая. И она сказала правильные вещи, значит,

она будет хорошей женой и хорошей хозяйкой. — Мартин вызывающе вздёргивает подбородок и смотрит на нас.

“Ты просто думаешь своим желудком и членом, Мартин!

Мартин проводит загорелой рукой по своей уже седеющей бороде и поджигает губы, словно пытается проглотить то, что вертится у него на языке. — Нам нужна практичная девушка. Та, которая нам подойдет, и нам не придется под неё подстраиваться.

“Ну, может, она и в чем то и выглядела практичной. Но её наряд...

Я качаю головой, глядя на бесформенную, поношенную одежду, в которой Джессика появилась сегодня. Я например надел свою лучшую рубашку, а Мартин и Клим достали свои воскресные шляпы. Это называется "выйти в люди", а эта девушка как-то пренебрегла своим внешним видом, что для женщин совсем не типично и это меня настораживает.

— Нам нужно идти туда, — ворчливо говорит Клим и кивает в сторону Дикси, которая помогает Джесси с её небольшим пакетом.

У аукциона есть наши личные данные, так что платить сразу перед отъездом необязательно, можно потом перечислить деньги на счет аукциона. Я все думаю о цене, которую мы только что заплатили, и о том, что ещё мы могли бы купить на эти деньги: это, например, призового жеребца, способного произвести на свет несколько поколений трудолюбивых животных, которых потом можно выгодно продать,

или небольшое стадо скота. Да новый грузовик или трактор, в конце концов!

Я не понимаю, почему здешние девушки считают аукцион хорошим вариантом выйти замуж и заработать денег. Мужчинам нужны женщины, а женщинам нужны мужчины; в большинстве случаев и те и другие обходятся без аукционов. Но найти мужа в таком месте как это, мне кажется, не лучший вариант для любой женщины.

— Держи, — говорит Дикси, протягивая Марти маленькую сумку Джесики. — Джесика, познакомься это Мартин, Адам и Клим. Они отвезут тебя домой. — Она обнимает Джесику сбоку, прижимая перепуганную девочку к своей пышной груди. — У тебя теперь детка будут хорошие друзья.

Джесика моргает, глядя на всех нас, как маленький оленёнок Бэмби, которому угрожают два ствола дробовика охотника и как следствие неминуемая смерть. Ха! А в нашем случае — три ствола.

А вблизи она ещё красивее, чем казалась на сцене: крошечные бледные веснушки покрывают её щёки, как пятна на шкуре моей любимой кобылы, а сквозь мягкие, тонкие светло-каштановые волосы выглядывают милые почти эльфийские ушки. Она держится напряжённо и неловко, как будто не привыкла к тому, что её тело занимает так много места в пространстве, и к тому, как оно ощущается при движении.

Появляется желание как-то подбодрить её, оно сильное и необычное для меня. Обычно мне нравятся дерзкие, уверен-

ные в себе женщины, которые не стесняются своей сексуальности. С ними секс на одну ночь намного проще и приятнее. А Джессика излучает какие-то девственные флюиды.

Ой,блять! Какое у меня плохое предчувствие!

Это, наверное, для нас плохо кончится, и не просто плохо. Эта ситуация должна взорваться и накрыть взрывной волной всех нас вместе с этой несчастной девочкой.

Мартин протягивает руку, и Джессика берётся за неё, но я успеваю заметить, как дрожат её пальцы. Наши взгляды встречаются, и я словно вижу своё отражение: тёплые карие глаза с зелёными и золотыми крапинками, словно искры, вспыхивающие на лесной подстилке.

— Я Мартин, — хрипло говорит он. Джессика кивает и сосредотачивается на Климе, который всё ещё прячется на заднем плане. Её безмолвный вопрос наполняет пространство между нами. Понятно что сейчас её интересует один вопрос : так кто из вас станет моим мужем?

— Это Клим. — Мартин машет рукой в сторону неподвижного Клим. — И Адам!

Я приподнимаю шляпу и выдавливаю из себя улыбку, несмотря на все свои сомнения, по поводу этой затеи. Улыбаться — это, конечно, то, что у меня получается лучше всего, но сейчас мне это кажется таким же нормальным явлением, как спаривание свиньи с быком.

— Привет. — Она переводит взгляд на спину Дикси, которая пробирается сквозь толпу, чтобы поговорить со следу-

ющей девушкой.

— На сегодня мы все здесь закончили, так что уже пойдем отсюда, хорошо? — Мартин указывает на дверь сарая в направлении нашего грузовика. Скот, который мы купили сегодня, привезут, так что Джессика — это единственная наша покупка, которую нам нужно перевезти домой самим.

О, боги! Это звучит как то неправильно, даже в моей голове.

“Хорошо”. Она не смогла бы выговорить это с меньшим энтузиазмом, даже если бы очень старалась.

Мы идём к грузовику: Мартин впереди, Клим за ним, а мы с Джесикой позади. Я пытаюсь держаться рядом с ней, пока она еле волочит свои ноги. Нужно прервать это неловкое молчание которое возникло между нами.

— Тебе понравится наше ранчо, — я говорю первое, что пришло в голову, ради того, чтобы заполнить тишину. — Оно очень красивое.

Она кивает, глядя на меня, но затем отводит взгляд.

“Ты у нас быстро освоишься, Джессика! Не переживай!”

— За кого я выхожу замуж? — выпаливает она, когда мы выходим из здания. Она останавливается, глядя на удаляющиеся фигуры Мартина и Клима.

— Клим, — говорю я. Я приподнимаю шляпу и провожу рукой по влажному от пота лбу. Наверное, мои волосы сейчас слиплись от пыли...

Она удивлённо смотрит на меня. Она, видимо, испугалась, я хоть и мужик, но даже я понимаю, что Клим из нас троих менее всего привлекательный для женщин.

Я смотрю на неё, её зубы впиваются в нижнюю губу с такой силой, что девушка белеет.

“Но ведь ты хочешь замуж, верно?”

Она несколько раз моргает, и её взгляд становится стеклянным и отрешенным. — Да, — шепчет она. — Конечно.

Ай-яй-яй! А почему это я ей не верю? Точнее, не верю в искренность этой девочки!

Я чувствую, у нас назревает не маленькая проблемка. Если она дрожит при мысли о том, чтобы стать женой Клим, то как, чёрт возьми, она будет относиться к тому, что её ждёт дальше?

— Пойдём, — говорю я. — Чем быстрее мы вернёмся, тем быстрее сможем тебе всё показать. Тебе у нас понравится, я обещаю.

Сука! Ещё никогда я так не сомневался в своем собственном обещании!

Дорога домой у нас занимает примерно два часа, и я чувствую себя чертовски неловко. Клим сидит с Джессикой на заднем сиденье и всю дорогу уклоняется от разговоров. Джессика засыпает через десять минут, неловко прислонив голову к борту грузовика. Мы с Климом обмениваемся многозначительными взглядами. Бедняжка либо устала, либо притворяется спящей, чтобы не разговаривать с нами. В

любом случае, так, наверное, пока будет лучше. Клим — он сильный, умный, но довольно молчаливый парень. В голосе Мартина обычно слышится командная нотка, которая порой наводит страх на людей которые его плохо знают. А ещё он и упрямый как бык. А я без умолку болтаю и шучу, чтобы заполнить всю эту пустоту и тишину. Мы с ребятами наверное производим странное и пугающее впечатление на эту дбедную девушку.

Новая рубашка, которую я надел, сдавливает мне шею, и я расстёгиваю две верхние пуговицы. Сквозняк, проникающий через открытые окна, тёплый и сухой, но всё же освежающе действует на меня.

Я чувствую себя не в своей тарелке, пока мы не доезжаем до границы нашего ранчо. Я как рыба, выброшенная на берег, я чувствую себя спокойно только дома.

Мы проезжаем мимо основного стада коров, когда Мартин резко тормозит, подъезжая к забору загона. Одна из коров застряла и тщетно пытается освободить свою шею, оказавшуюся между досок.

— Тупое чёртово животное, — ворчит Мартин, вылезая из грузовика. Я следую за ним по пятам, поднимая пыль, и спешу ему на помощь. Клим выходит из машины последним, по крайней мере, я так думаю, пока через минуту Джессика не оказывается в паре метров от нас, пока мы боремся с обезумевшей коровой и пачкаем чистую одежду. Когда мы наконец освобождаем корову из ловушки, которую она са-

ма себе устроила, от забора остаётся лишь груд обломков, а мы стоим перед Джессикой грязные и взъерошенные. Мы выглядим нелучшим образом, чтобы произвести первое впечатление на девушку.

Глаза девушки широко раскрыты от происходящего, она смотрит в след корове когда та пытается вернуться в стадо. Походка животного неровная, а глаза всё ещё выпучены от испуга.

“Может, нам отогнать кокову в сарай?” - Клим спрашивает глядя на Мартина.

— Давайте подождём несколько минут... Посмотрим, если она ест и пьёт, значит, это бурёнка не успела пораниться, тогда пусть так и гуляет в стаде.

Пока я ищу инструменты в кузове грузовика, Мартин и Клим прислоняются к забору и наблюдают за коровой. Джесси, по-прежнему держась от них на расстоянии, делает то же самое.
Наверное её глазами ранчо кажется каким-то диким и непредсказуемым местом. Если вы не привыкли к такой жизни с детства, то вам может быть трудно сразу адаптироваться к таким условиям. Проводить все время в постоянной тяжелой работе, и наблюдать круговорот жизни и смерти животных — это здесь нормальное явление, к нему нужно привыкнуть.

Мне удаётся починить погнутые и сломанные части забора, и корова, к счастью, вроде бы в порядке. Мы все возвращаемся к грузовику и запрыгиваем в него, чтобы продол-

жить путь до дома.

“И часто это тут случается?” — спрашивает Джессика.

— Ага, — Мартин качает головой. — Коровы — глупые животные, без постоянной человеческой заботы они быстро погибнут.

— Они такие большие. Я даже не представляла, насколько они настолько большие на самом деле.

Клим откашливается.

- Вообще-то, они довольно милые создания. И обычно они послушные. Но хорошо и спокойно чувствуют себя только в стаде.

— В отличие от людей. - Джессика издаёт тихий звук. Она ещё не осознаёт этого, но она только что сейчас коротко описала Клим. Он счастливее в общении с животными, чем с другими людьми, и он всегда счастливее в одиночестве, чем в компании, он молчаливый и суровый парень, хотя и совсем не злой. Интересно, каким он будет мужем. Ну, по крайней мере, со мной и Мартином девушка не будет одинока.

— Ты интроверт? — спрашиваю я её, пытаюсь понять, как она впишется в нашу компанию. Мартин ворчит, как будто я только что выругался в церкви. С таким же успехом я мог бы признаться в его присутствии, что верю в гороскопы.

“Я даже не знаю”, - говорит она.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не знаешь? — я поворачиваюсь на своём сиденье и вижу, как она качает головой, глядя на открытую местность, которая принадлежит

нам, насколько хватает глаз.

«Думаю, мне нравятся люди, если они хорошие. И я бы предпочла быть одна, если они плохие».

Клим кивает, и его вечная хмурая гримаса исчезает. Может быть, Мартин всё-таки окажется прав и Клим и Джессика смогут друг с другом поладить.

Глаза Джессики расширяются, когда мы подъезжаем к дому. С его большим крыльцом с колоннами и увитой плющом верандой, опоясывающей всё здание, он любого впечатляет с первого взгляда. Я знаю, что женщины любят цветы, а в это время года они здесь повсюду.

Интересно, как выглядит её прежний дом. Может быть, она расскажет нам, когда обустроится. Может быть, мы даже познакомимся с её семьёй, хотя, судя по тому, что на аукционе её никто не провожал, может быть даже так что она совсем одинока. И вдруг я понимаю, что не знаю, кому достанутся деньги которые мы заплатили за неё.. Это должно было стать чемто вроде приданого для неё? Или она пошла на аукцион не по своей воле?

Это ещё одна причина, по которой я хотел все узнать про эту девушку. прежде чем мы выберем, за кого делать ставку на аукционе, но Мартин совсем не принял это во внимание.

Я помогаю Джессике выйти из грузовика, хватаю её сумку, и она следует за нами на кухню. Я ставлю сумку на большой деревянный стол и жду, пока Мартин и Клим полностью умоются, прежде чем самому вытереть руки от грязи и ко-

поти.

Мартин достаёт из холодильника кувшин с холодным чаем и наливает в четыре стакана, предлагая один из них Джессике. Она благодарит его и выпивает весь бокал до дна. — Ты, наверное, голодна?

Она кивает, немного нервно хватаясь за спинку одного из стульев, не зная куда деть руки от волнения. На столе Мартин раскладывает купленное в магазине печенье, и бутерброды, показывая, что Джессика должна сесть и поесть.

Мартин садится напротив неё за стол, а мы с Климом встаём по бокам от них. Пока Джессика откусывает печенье, Мартин достаёт листок бумаги с описанием обязанностей Джессики. Он что, серьёзно собирается вручить ей этот список прямо сейчас? Я не могу поверить, что он сейчас это сделает!

Прежде чем я успеваю выхватить у него бумагу, она скользит по полированной деревянной поверхности. Из моего горла вырывается сдавленный звук, на который Мартин недовольно прищуривает свои голубые глаза и хмурит брови.

Джессика сосредотачивается на листе, и уже просматривая список.

— Вот что от тебя здесь потребуется, чтобы ты внесла свой вклад в наш бизнес.

Тот, кто сказал, что романтика умерла, определённо ещё не знаком с Мартином Макгрегором, образцом практичности и ответственности.

— Хорошо, — Джессика берёт листок и сосредоточенно хмурит брови. Не думаю, что список домашних дел заслуживает такого внимания, но, опять же, я не самый аккуратный человек на свете, так что, может, это я чего не понимаю.

Клим откашливается и ёрзает на стуле. Ему не терпится выйти на улицу, а Мартин всё молчит, и молчит о самой важной части того, что должно произойти сегодня.

Свадьба.

— Может, список дел подождёт, пока они не перепрыгнут через метлу? — говорю я, одаривая Джессику своей самой очаровательной своей улыбкой.

- Что? Прыгнуть на метлу?

— Свадьба, — улыбаюсь я девушке. — Пора сделать это официально, дорогая. По нашим местным традициям.

Краска отливает от щёк девушки, и она заметно бледнеет, и это плохой знак, хотя в этой затее вообще нет ничего положительного. Она растерянно оглядывается по сторонам, словно ожидая, что из-за угла появится священник и люди в воскресных нарядах.

— Я буду вести церемонию, — говорю я. — Всё, что вам нужно сделать, — это подписать свидетельство о браке, чтобы поставить все точки над «i».

— Ну ладно.

— Подожди-ка минутку. Мартин упирается руками в стол, чтобы встать. Он выходит из комнаты и возвращается с белым летним платьем на вешалке. О нет, только не это. —

Я подумал, что ты могла бы его надеть. - говорит он девушке

Глаза Джесси расширяются от неподдельного страха. Неужели она никогда раньше не видела платьев? Взгляд Джесси падает на её поношенную одежду, и она, кажется, понимает намёк.

— Я провожу тебя наверх, — быстро говорю я, забирая вешалку у Мартина.

Джесси встает, стараясь ни с кем из нас не встречаться взглядом, и следует за мной в коридор и вверх по деревянной лестнице. Мы проходим мимо фотографий поколений семьи Макгрегор и их друзей, хранящих счастливые воспоминания. Интересно, что сейчас творится в голове у Джессики. Наверное, куча вопросов и еще больше страхов.

— Ты можешь переодеться здесь. — Я открываю дверь в одну из свободных комнат наверху. Джессика хмуро смотрит на моё запястье. Я прослеживаю её взгляд и вижу, что она смотрит на разноцветный браслет дружбы, который Кэтрин надела мне на руку на прошлой неделе.

— Племянница Мартина! — говорю я, показывая ей запястье. — Она хотела официально оформить нашу дружбу!

Теперь когда Джессика смотрит на меня, кажется она немного успокаевается. Может быть, браслет и связанная с ним история дружбы каким-то образом успокаивают её.

Я протягиваю ей платье. - Кстати эта комната будет твоей!-.

Она не оглядывается по сторонам, просто смотрит на пла-

тье. — А что, если оно мне не подойдёт?

— Да я уверен, что подойдёт. — Я говорю с полной уверенностью, но кто, чёрт возьми, его знает. Мартин-то купил его ещё до того, как увидел девушку, которая будет его носить. Откуда ему было знать, какой размер нужно было покупать?

— Я собираюсь подготовиться к церимонии. Я вернусь через пять минут, чтобы отвести тебя обратно к жениху.

Я отворачиваюсь и быстро ухожу, прежде чем Джессика успевает мне что-то возразить. Теперь мы все в ловушке этой неловкой ситуации, и мы будем связаны этим нечестивым союзом. Хотя, может быть, все-таки не надо «делать из мухи слона»? Может, всё обойдется?

Я занимаюсь приготовлениями к предстоящей церемонии в своей комнате, попутно изо всех сил стараясь навести порядок в том хаосе, который образовался за последнюю неделю. Если сегодня и случится что-то хорошее, то это будет долгожданное присутствие женщины в нашем доме. Женщины, которая наконец будет заставлять меня следить за своей внешностью постоянно, а то мы с парнями уже совсем одичали на этом ранчо.

Когда я решаю, что у Джессики было достаточно времени, чтобы переодется, я выхожу в коридор. Она стоит в дверях в свободном белом летнем платье. Она стоит на полу босиком. Я смтрю как она провела влажными пальцами по волосам, просто заправив их за уши. Она сделала всё возможное,

чтобы выглядеть как невеста, учитывая, что у неё ничего нет под рукой. По правде говоря, она и так прекрасна, как на картинке, она вся просто сияет молодостью. Из-за неё я чувствую себя старым козлом, хотя по меркам нашего времени я в свои 32 года еще просто мальчик. Конечно, Джессика не работала целыми днями на солнце, как всю жизнь приходилось это делать мне. Поэтому я выгляжу старше своего возраста. Надеюсь, Джессика не пережила такое же тяжёлое детство, как у меня. Хотя мы ведь про неё ничего не знаем.

- Ты выглядишь просто обалденно! — говорю искренне я, и она заметно краснеет.

- Я не знаю, что я должна делать. - растеряно говорит Джессика.

— Да тебе, по сути, ничего не нужно делать, кроме как спуститься со мной по лестнице и встать рядом с Климом. — говорю я и начинаю спускаться вниз и смотрю на неё ожидая, что она пойдет вместе со мной.

Мартин ждёт внизу лестницы, и его глаза расширяются, когда он замечает Джессику. Ох, я знаю этот взгляд! Девушка ему, конечно, нравится, но на этот раз это точно нечто большее, чем восхищение красивой внешностью. Он смотрит сквозь неё в то будущее, которого он всегда хотел, но которое у него в своё время отняли. Она как портал в его двадцатипятилетнее прошлое.

Клим всё ещё сидит за столом, опустив руки. У Мартина уже есть солидный жизненный опыт, но Клим рядом с ним

выглядит сейчас как человек, которому через минуту предстоит виселица. Ему всего-то нужно подняться по лестнице и официально зарегистрировать этот брак через десять минут. И я уже не могу ему в этом помочь, он уже не мальчик и должен наконец- то сам набраться смелости.

— Ладно, ладно. Давайте начнём церемонию. - я сейчас говорю как ведущий дурацкого игрового шоу, но к чёрту всю эту помпезность. Свадьбы должны быть лёгкими и непринуждёнными. Этой свадьбе нужен весь юмор, который я только могу в неё втиснуть.

Клим поднимается по лестнице, и Джессика подходит к нему. Они стоят слишком далеко друг от друга, поэтому я подталкиваю их ближе, взяв каждого за плечо. — Вот вы уже и счастливая пара, — шучу я.

Позади меня Мартин издаёт низкий, рычащий звук, выражающий неодобрение.

— Хватит болтать, Адам. - он не всегда в восторге от моего веселого нрава.

Прежде чем кто-нибудь из молодожен не надумал сбежать — а это сейчас , похоже, вполне возможно, — я зачитываю им клятвы." Счастливая пара" говорит: «Да», — и церемония на этом заканчивается. Я заставляю их подписать документы, а Мартин выступает в качестве свидетеля. Мы быстро фотографируемся на память. Вот и всё. Готово. Теперь Джессика — это Джессика Лоусон, официальная жена Клима, мужчины, который никогда не хотел жениться.

Когда чернила на свидетельстве о браке высыхают, я пожимаю Климу руку и наклоняюсь, чтобы поцеловать Джесси в её мягкую щёчку. От неё пахнет персиковым пирогом, моим любимым, и впервые с тех пор, как она забралась к нам в грузовик, я уже жалею, что это не я веду её наверх. Вместо этого мне приходится уговаривать своего лучшего друга на несколько неловких супружеских поцелуев.

— Пора вести свою невесту наверх. -

Клим бросает на меня сердитый взгляд, затем направляется в коридор, забыв взять с собой невесту с собой!. Джессика семенит за ним, мягко ступая по деревянному полу. Ох, они такая странная пара, что я качаю головой, глядя им вслед.

Когда они оказываются вне пределов слышимости, я поворачиваюсь к Мартину.

«Это закончится катастрофой, помани мое слово!». - я качаю головой и не нахожу себе места.

Он хмурится, не допуская никаких альтернатив своему мнению, потом смотрит на меня и говорит:

— Для человека, который всю жизнь притворяется шутником, ты сегодня ведёшь себя как полный придурок.

КЛИМ

Джессика стоит в моей спальне, скрестив руки на груди. Она выглядит, наверное, такой же взволнованной, как королева, которая понимает, что её ведут на бойню.

И одному Богу известно, как сейчас выгляжу я сам. Наверное, нисколько не лучше!

Я провожу рукой по волосам, чувствуя, как внутри меня закипает злость. Если бы я не был обязан Мартину жизнью, я бы ни за что не согласился на его дурацкий план. «Мы найдём жену, — сказал он. — Нам нужен кто-то, кто поможет по дому. Кто-то, кто привнесёт в наш дом женскую руку». У него есть и другие идеи. Идеи, которыми он не стал делиться с этой бедной девушкой, практически сжавшейся сейчас в комок у двери комнаты.

Я знаю, что мне нужно сделать. Мне нужно официально оформить этот брак, и мне нужно, чтобы Джессика чувствовала себя максимально хорошо и комфортно. Я ужасный человек во многих отношениях, но я не стану заставлять женщину делать то, чего она не хочет. Но, с другой стороны, она же сама решила пойти на эту свадьбу. Джессика не настолько наивна, чтобы не знать, что происходит между мужем и женой. Да и сексология сейчас обязательна во всех старших классах, насколько мне известно. Но мы ещё даже не целовались. Как, чёрт возьми, я должен подвести её к комфортному для неё сексу?

— Закрой дверь, — говорю я ей, расстёгивая манжеты своей строгой рубашки. Этот чёртов узкий воротник душил меня весь день.

Джессика, кажется, вот-вот упадёт в обморок, когда она движется выполнять мое указание.

“Это, должно быть, непривычно для тебя”. — спрашиваю я девушку.

Она пожимает плечами, возвращаясь в свою оборонительную позу, руки скрестив на груди.

“Но ты хочешь этого, верно? Тебе ведь нужен муж?”

Она прикусывает губу, и её горло судорожно сжимается, затем она кивает.

— Верно. Хорошо. — говорю я и облизываю нижнюю губу. — Иди сюда.

Я продолжаю расстёгивать пуговицы на рубашке, стягиваю её с себя и бросаю на стул. К тому времени, как Джессика пересекает комнату, её щёки краснеют, а губы напряжённо сжимаются.

— Ты как будто никогда раньше не видела мужчину без рубашки?

— Видела! — тихо говорит она и опускает глаза.

— Ты уже делала это раньше? — я киваю в сторону кровати. Ой как я надеюсь, что да! Если она девственница, то вся эта и без того напряжённая ситуация превратится в полный пиздец!

Лёгким кивком головы Джессика даёт понять, что уже была с мужчиной, но только ничто в её поведении не говорит о том, что у неё есть серьёзный опыт в сексе. Я прикасаюсь к её щеке, и тепло её румянца согревает мою ладонь. У неё красивые розовые губы с чётко очерченной буквой V в центре. Я провожу по ним большим пальцем, и веки девушки опускаются в ответ.

Белое платье, которое купил ей Мартин, красивое, но ка-

което бесформенное, оно свисает ниже линии груди и доходит почти до пола.. Под ним трудно разглядеть всю её фигуру. Я касаюсь бретельки на её плече, и она вздрагивает.

Я приподнимаю её подбородок, чтобы она была вынуждена смотреть на меня. В ней, должно быть, всего-то росту сантиметр пятьдесят пять, а во мне около двух метров, так что между нами большая разница в росте. Но, к счастью, она совсем не худышка. Там, где надо, у неё очень волнующие изгибы и мягкость. Девушка кажется какойто тёплой и привлекательной, и она очень женственная, в противоположность всему, что есть во мне: всё большое, грубое и brutальное.

Прошло много времени с тех пор, как я был последний раз с женщиной. В городе полно тех дам, кто рад, что я согреваю их постель ночью, и, может быть, эти женщины и хотят чегото большего, но я когда ухожу от них, не чувствую ничего, кроме пустоты.

С Джессикой наверное будет то же самое. Она меня не знает, так что этот процесс будет пустым — просто два тела, движущихся навстречу друг другу. Она будет обязательно будет испытывать удовольствие, я никогда не оставляю женщину неудовлетворённой. Это мой принцип.

Когда я снимаю лямку с плеча Джессики, она смотрит в сторону, ожидая, что я сделаю дальше. Пора мне раздеть эту девушку.

Мой член твердеет, несмотря на мои сомнения. Господи. Я должен быть мертв, чтобы не возбудиться при мысли од-

ной о том, как я окажусь между тёплыми, сочными бёдрами Джессики. Это было первое, что я заметил в ней, когда она вышла на сцену, прежде чем увидел её красивые глаза и милое личико, прежде чем услышал её мелодичный голос и трогательные попытки привлечь внимание мужчин в зале своими навыками хорошей хозяйки.

Когда я опускаю другой ремешок, я тяну его вниз, так что платье опускается ниже её груди, и она резко втягивает всебя воздух от неожиданности. Её груди это идеальные сливочные холмики с розовыми сосками, которые уже затвердели.

— У тебя очень красивая грудь, — говорю я, проводя тыльной стороной ладони сначала по одному напряжённому соску, затем по другому. Когда я поднимаю взгляд на её лицо, её глаза закрыты.

На платье сбоку есть молния, которую я растёгиваю, и когда оно падает на пол, Джессика остаётся только в фиолетовом хлопковом нижнем белье. Она прикрывает его руками, что кажется мне странным. Она совсем не беспокоилась о том, что я увижу её голую грудь, а только стесняется своего нижнего белья? Да, надо признать, что её бельё это не сексуальное кружево или блестящий атлас. Оно не белое, как у большинства женщин в день свадьбы, но мне плевать, в чём она ко мне пришла. Если её мама или папа не сочли нужным купить ей приличную одежду, это их проблемы. Теперь, когда она здесь с нами, ей уже ни в чём не будет отказа. Возможно, она не найдёт здесь настоящую любовь, но она точно

будет обеспечена всем необходимым.

— Не прикрывайся, — говорю я, стараясь что бы мой голос был как можно ласковей. — Я Хочу увидеть тебя всю. Я собираюсь быть с тобой одним целым. — я запускаю руку ей в волосы и аккуратно беру её за затылок, приподнимая её лицо. Я приближаюсь, наблюдая, как расширяются её зрачки — от возбуждения или страха, я не могу сейчас сказать наверняка. — И я собираюсь сделать это хорошо, и приятно для тебя!

Она выгибает шею, словно собирается кивнуть, но я держу её слишком крепко, чтобы она могла пошевелиться. Я целую её, ожидая, что она не сразу ответит, но она приоткрывает рот и тихо стонет. Я начинаю терять самообладание и не терпеливо говорю:

- Ложись на кровать, Джессика!-

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 3

— Ложись на кровать, Джессика!

Джессика без лишних вопросов ложится на кровать. Мартину бы точно понравилось такое поведение. Ему везде нравится быть главным и всё контролировать. А что касается меня, то её готовность угождать сейчас облегчает мне задачу. Если бы она сопротивлялась или боялась, я бы просто спустился вниз и не стал бы мучить эту девочку.

Мне не нужно много времени, чтобы снять джинсы и боксеры. Джессика смотрит на меня, сжав губы и, наверное, широко раскрыв глаза. Они становятся ещё шире, когда я сжимаю свой уже стоячий член.

— Сними трусики, — говорю я охрипшим от возбуждения голосом.

Возможно, я здесь из-за того, что мы с парнями задумали, но Джессика меня уже сильно возбуждает, и теперь я точно не спущусь вниз, пока не овладею этой красоткой. Она выбирается из своего нижнего белья, стараясь держать ноги вместе. Несмотря на это, я ловлю её взгляд, который толкает меня вперёд.

Прежде чем я успеваю забраться на кровать, она переворачивается на бок и подставляет мне свою милую попку. Я прижимаю руку к её бедру и переворачиваю её на спину.

— Милая, что ты делаешь?

— Ты же хочешь заняться сексом, верно? — она смотрит на меня, хлопая ресницами.

Я хмурюсь, пытаюсь понять, что происходит.

— Да, дорогая. Но сначала я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Она смущена и снова хлопает ресницами, когда я осторожно раздвигаю её ноги и целую нежную кожу от колена до внутренней стороны бедра. Когда я поднимаю взгляд, она смотрит на меня, нахмутив брови и прикрывая грудь руками. Я беру её за запястье и убираю одну руку, а затем и другую, чтобы она поняла, где я хочу, чтобы она их оставила.

— Доверься мне, — шепчу я ей на ухо, снова целую её.

Она вздрагивает, когда я раздвигаю её маленькие губки, обнажая розовую плоть. Я целую её клитор, и она стонет. Наши взгляды встречаются, и её рот приоткрывается от удивления.

Её реакция не такая, как я ожидал. Как будто никто никогда не целовал её там. С кем, чёрт возьми, она занималась сексом, если он не обращал на неё внимания? Кто постоянно хотел просто трахнуть её сзади?

Когда я провожу языком вдоль её нежной щёлочки, она закрывает глаза, откидывает голову назад и выгибает шею. Когда я начинаю ласкать её губами, она издаёт самый красивый стон.

Жду, пока она начнёт двигать бёдрами и прижиматься ко мне. Прижимаю палец к её входу. Она влажная и готова. Вво-

жу палец и нащупываю тугое и тёплое. Мне трудно войти во второй раз, но когда я это делаю и двигаю пальцами, её киска сжимается и трепещет от удовольствия. Её вздохи сводят меня с ума. Мой член твёрдый, а яйца напряжены и болят.

Хватаю презерватив и быстро надеваю его на свой член. Джессика открывает глаза и смотрит на меня, как удивлённый котёнок.

— Тебе было приятно? — спрашиваю я, перелезая через её тело.

Она кивает и смотрит на мои губы, будто не может поверить, на что они способны. Я прижимаюсь губами к её губам и страстно целую её. По позвоночнику пробегает сладкая дрожь от осторожных прикосновений её рук к моей спине. Она скользит языком по моему, пробуя свою смазку на вкус. Я прижимаюсь членом к её ляжке, давая ей время привыкнуть к ощущению. Когда она двигает бёдрами, я понимаю, что она готова. Наклоняю бёдра и медленно вхожу в неё. Сначала неглубоко и аккуратно. Чувствую, как мышцы её влагалища дрожат.

Вхожу в неё немного глубже. Всего на пару сантиметров. Мне приходится напрячь ягодицы, чтобы не податься резко вперёд. Моё тело жаждет её тепла и мягкости. Погружаюсь в неё, и она раскрывается передо мной, как самый нежный летний цветок. Притягиваю её к себе и спрашиваю:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — шепчет она.

От нашего разговора мне становится легче. Я не знаю, почему она согласилась на это, но мне и не нужно знать. Всё, что мне нужно сделать, — это позаботиться о ней, чтобы она запомнила это как приятное событие.

Когда я вхожу в неё до основания, она задыхается от удовольствия. Когда я выхожу и резко вхожу в неё, она стонет.

Её пальцы впиваются в моё плечо, когда её тело трясёт от каждого толчка. Её тихий смех похож на шёпот, но звучит искренне: «Да, мне очень хорошо».

Я вхожу в неё, надавливая на клитор, чтобы довести её до оргазма.

Я могу использовать своё тело, чтобы ей было хорошо. Физические потребности в нашей жизни невелики. Я всегда стараюсь быть лучшим во всём, что я делаю.

Я крепче обнимаю её, вхожу глубже и сильнее, хватаю за ягодицы, чтобы поднять бёдра.

Она выгибается, глаза широко раскрыты, она ёрзает под мной, ища то, что ей нужно, чтобы погрузиться в оргазм. Когда она кончает, я продолжаю двигаться, переживая каждую судорогу, наблюдая за её трепетом век, растяжением губ, напряжёнными мышцами шеи, румянцем на щеках.

Я кончаю и погружаюсь так глубоко между её бёдер, что ей может быть больно, но я не могу остановиться. Я уже потерял контроль.

Мы оба устали, но я не могу остановиться. Мы знаем о телах друг друга больше, чем о разуме или сердце. Всё пере-

вернулось с ног на голову.

Я сделал своё дело. Я забрал невесту. Что будет дальше, не в моей компетенции. Я соучастник, но не виноват.

Я отворачиваюсь от Джессики, понимая, что, вероятно, причиняю ей боль своим весом. Лежа на спине, я смотрю в потолок. Джессика лежит рядом со мной, неподвижная и тихая.

— Мы муж и жена, — говорю я.

— Да, — тихо отвечает она.

— Поздравляю, миссис Лоусон!

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть её профиль, но она не смотрит на меня. Моё сердце бешено колотится от напряжения после секса и от предвкушения того, что я должен сказать.

— Только один из нас может жениться на тебе, — говорю я. — По юридическим причинам.

Она поворачивается, её взгляд ищет мой.

— Но ты принадлежишь всем нам, Джессика. Ты это понимаешь?

Я отворачиваюсь, прежде чем она успеет увидеть мою реакцию. Джессика из тех, кто не умеет скрывать свои эмоции. Ей нужно научиться надевать маску, как это делаю я. Это единственный способ защититься от этого безумного мира.

Я касаюсь её руки, пытаюсь успокоить.

— Одевайся, — говорю я мягким голосом. — Нам ещё

многое нужно сегодня сделать.

Одеваться, не глядя на неё голенькую, мне трудно, но, чёрт возьми, как же мне смотреть ей в глаза после того, что я сказал? Когда я выхожу из комнаты, она всё ещё сидит на том же месте, её взгляд устремлён в угол комнаты, и мне, наверное, невозможно это представить.

ДЖЕССИКА

Клим закрывает за собой дверь, и я чувствую себя немного не в своей тарелке. Я наклоняюсь, чтобы поднять своё бельё с пола, и не могу прийти в себя после того, что произошло. Между ног всё ещё пульсирует от удовольствия. Соски покалывает от наслаждения, которое, кажется, всё ещё ощущается физически.

Прощальные слова Клим повисли в воздухе, и я не могу понять, что он имел в виду, когда сказал, что я принадлежу им троим. Неужели он имел в виду, что мне придётся заниматься сексом со всеми тремя мужчинами? Я надеюсь, что это не так.

Клим смотрел на меня пристально, и его глаза тёплого цвета напоминали выдержанное виски. Но в них не было эмоций, все его чувства были скрыты, как будто он не хотел, чтобы я видела его внутренний мир. На его крепком подтянутом теле виднелась россыпь выцветших татуировок, словно это окна в его прошлое. Я не могла не задаваться вопросом, что означают эти наколки.

Густые тёмные волосы Климa ещё не начали седеть и обрамляли его точёное лицо, делая его задумчивым и скрытым. Но морщины, прорезавшие его кожу, говорили о том, что ему уже около сорока, то есть намного больше, чем мне. Я не могла понять, что за тяжесть витала в воздухе вокруг него, но я не боялась этого парня, просто осторожничала по привычке. Он не мог быть плохим парнем.

То, что Клим сделал с моим телом, заставляло меня краснеть, когда я вспоминала об этом, хотя сейчас я была одна в комнате, смущённая силой своих физических желаний и своим дурацким фиолетовым бельём.

Я снова сосредоточилась на словах Климa и на том факте, что он, возможно, не единственный из них, кто скоро увидит меня голой в этом доме.

Адам. Его обаяние так и лилось из его тёплых карих глаз. Я была уверена, что он самый молодой, ему, наверное, чуть больше тридцати, и его беззаботная энергия часто раздражала двух других друзей. Все они были здоровыми и подтянутыми мужчинами, но Адам был стройнее и выше остальных. Мне нравилось, как он пытался меня успокоить и разрядить напряжённую обстановку. С ним мне было проще всего.

Мартин был, видимо, боссом и самым старшим из этой троицы. Его тёмные волосы были испещрены белыми и седыми прядями, и ему можно было дать лет сорок. Но он тщательно следил за собой, его тело казалось более крепким, а осанка — более прямой, чем у большинства молодых муж-

чин, которых я встречала. Его глаза были такими бледными и голубыми, что напоминали мне собаку породы хаски, чей стальной взгляд, казалось, пронзал тебя насквозь. Он казался угрюмым и грубоватым, но прямолинейным человеком. И это было неплохо! Такой человек всегда говорил мне прямо, чего он хотел, и что я делала не так. Нет ничего более неприятного, чем гадать, чего ждёт от тебя другой человек. Раньше меня никогда не привлекали мужчины намного старше меня, но у Мартина были самые что ни на есть классические привлекательные черты лица. От него исходила какая-то внутренняя сила, которая делала его притягательным для женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.